

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 25 февраля 2015 г.

Текст: Л. Джуссани. Зачем Церковь. М.: Христианская Россия, 2004. Глава вторая

- *Noi non sappiamo chi era*
- *La mente torna*

Gloria

Сегодня мы продолжаем работу над второй главой книги «Зачем Церковь», в которой отец Джуссани вновь подчеркивает важность метода, прекрасно осознавая, что, когда мы ошибаемся в методе, нам не удастся понять. И если метод играет решающую роль в любых обстоятельствах, то уж тем более он важен для понимания самых насущных вопросов жизни, вроде того, что стоит перед нами сейчас: «Как возможно *сегодня* достичь объективного суждения о Христе, адекватного той значительности прирастания, на которую Он претендует?» [как я могу сегодня достичь уверенности о Христе?]. Мы можем спросить и другими словами: «Какой *метод* позволяет мне разумно принять христианское предложение?» (Ср. с. 15) Все мы осознаем неотложную необходимость ответить на эти вопросы. Кто из нас не хочет быть уверенным? Мы замечаем, как сильно желаем обрести уверенность, когда вдруг видим ее свершение в другом. Как же хочется и нам быть уверенными! Но по-настоящему мы осознаем эту потребность, когда жизнь загоняет нас в угол: вот тогда-то и возникает необходимость опереться на что-то незыблемое, чтобы не поддаться давлению обстоятельств. Таким образом, цель второй главы – ответить на этот экзистенциальный вопрос. Однако есть определенный риск. Мы рискуем прочитать главу как пространную лекцию о трех направлениях истории западной культуры (рационалистическом, протестантском и православно-католическом), из которой сможем чему-то научиться – например, узнаем об определенных способах познания, полезных, но не способных ответить на вопрос об уверенности во Христе. В любом случае читать эту книгу увлекательно, и потому мы можем отвлечься от цели. Однако (отец Джуссани сразу предупреждает нас) с таким подходом глава не поможет нам отыскать ответ на нашу потребность в уверенности. Нового знания о культуре недостаточно, чтобы ответить на нашу потребность в уверенности, ведь нельзя решить проблему, просто познакомившись с тремя описанными отцом Джуссани

позициями. Нужно, чтобы каждый спросил себя, выросла ли в ходе работы над второй главой его уверенность во Христе. Так можно проверить, работаем мы над текстом школы общины или нет, потому что умножение знаний стало бы бессмысленным действием; знаний у нас предостаточно, мы можем обойтись и без новых. Пусть каждый сегодня перед сном подумает: «Какой уверенности я достиг, работая над этой главой?» Чтобы помочь нам, отец Джуссани отмечает: три описанные позиции не являются лишь эпизодами культурной истории Запада, это «сокровенные слои, приобретенные человеческим сознанием за его историю перед лицом нашей проблемы <...> [что может] означать также три способа [нашего] поведения». И какую практическую и конкретную помощь оказывает нам отец Джуссани, чтобы мы смогли обнаружить в себе эти позиции? Он не заставляет нас производить психологический анализ или углубляться в самонаблюдение, потому что эти позиции проявляются в «различных жизненных ситуациях». Именно в жизненных обстоятельствах становится ясно, есть ли у нас уверенность во Христе. Обстоятельства могут быть различными: «начиная с радости давно желанной встречи и кончая любованием звездным небом» (С. 16), начиная с террористических атак и заканчивая непредвиденными событиями.

Я расскажу об одном небольшом эпизоде из жизни.

Небольшом, но значительном.

У меня очень болел зуб. Я промучилась все выходные и наконец пошла к стоматологу, а он взял огромные щипцы и вырвал мне зуб. Я никогда в жизни так не боялась, как в том стоматологическом кресле. Выйдя из клиники, я подумала о своем страхе и обо всех своих страхах. В прошлый раз ты говорил о страхе. В двадцать лет я чувствовала себя бесстрашной львицей, а сегодня меня пугает все (я боюсь заболеть, боюсь за детей и так далее). Почему с возрастом я не окрепла, а ослабела? Почему я такая хрупкая? Все мои желания исполнились: у меня есть муж, работа, дом, семья, в которой я могу читать молитвы перед едой. И тем не менее все чаще я ощущаю себя как в том стоматологическом кресле, потерянной и хрупкой перед лицом множества обстоятельств, начиная с моей работы и работы мужа (она не столь стабильна, как хотелось бы) и кончая событиями в мире, которые остаются лишь на уровне комментариев в Интернете. Поэтому, начав работу над текстом школы общины, я с самого первого абзаца спрашиваю себя: «В чем же дело? Почему я

постоянно отмахиваюсь от Христа как от исторического факта из прошлого.

Ты спрашиваешь, как же получается, что, чем больше твоих желаний исполняется, тем растерянней ты становишься. Жизнь ведь не всегда к нам жестока, порой наши желания исполняются. Но этого недостаточно. Итак, как я понимаю, что занимаю неверную позицию? Из простого факта: Христос не избавляет меня от растерянности и страха. Ты здесь, но как часто перед лицом жизненных вызовов Христос для нас остается событием прошлого, о котором ты прекрасно знаешь, которое можешь в деталях пересказать, о котором можешь читать лекции; и все же Он не присутствует реально. Мы иногда путаем исполнение наших желаний с уверенностью во Христе. Но нет же, любые наши желания могут исполниться, но это не обеспечит состоятельности, которая позволила бы нам встречать лицом к лицу вызовы жизни. В столкновении с ними проявляется наша растерянность. О чем она говорит? О рационалистическом подходе к обстоятельствам. «Рационалистическая позиция, – говорит отец Джуссани, – может быть в каждом из нас». Потому что «основывается [вопреки нашим намерениям] на гипотезе отсутствия» (С. 20). Перед лицом обстоятельств я фактически живу отсутствием. И в чем это проявляется? В том, что, описывая реальность, я не говорю о присутствии, глубоко определяющем мою жизнь и меняющем мое восприятие реальности. И тогда у нас возникает вопрос: в чем же дело? Это притом, что мы принадлежим Движению, верно следуем за ним! Дело не в том, что нас здесь нет, не в том, что мы невидимы или не видим Его действия. Тогда в чем же дело? Всего этого мало, если мы затем не проделываем путь, позволяющий все больше уверяться во Христе. Мы можем рассказывать истории, случаи из жизни – тут мы мастера, но одновременно, как говорится в тексте школы общины, мы словно отбрасываем Бога в недосягаемую для нас даль, вместо того, чтобы признавать Его присутствие здесь и сейчас. Не то чтобы мы поступали так сознательно, просто фактически мы переживаем событие Христа как факт из прошлого, как нечто далекое, не влияющее на мое настоящее. Дело в этом: я нахожусь перед лицом отсутствия, а отсутствие неспособно влиять на настоящее.

Недели две назад я сделал рождественский подарок моей семье, моим родителям и родителям жены. Мы отправились в горы покататься на лыжах и остановились в прекрасной гостинице. Я представлял себе

чудесный отпуск, во время которого я и сам катаюсь, пока бабушки и дедушки занимаются малышами...

Ты для каждого придумал роль!

Но потом, учитывая разные обстоятельства, я сказал: «Катайтесь, а я побуду с родителями и младшими детьми!» На следующий день все отправились на трассу, а я остался дома. Это как привезти семью на стадион, а самому ждать снаружи. Я все организовал, все подготовил, но вечером был страшно зол. Я устроил прекрасный отпуск, приехал в прекрасное место, меня окружала моя семья, но я злился. На второй день я уложил детей спать, но сам не мог заснуть и до трех часов сидел в гостиной и размышлял. Мне стало ясно, что Христа не было рядом, или, лучше сказать, я не видел Его, я не понимал. Я думал, что встретил Его, что все знаю, но тогда Он был просто ни при чем. Наконец, отпуск закончился. Дома жена спросила меня: «Почему ты такой сердитый? Видно, что ты сердисься. Что я тебе сделала?» Я ответил: «Ничего, ты каталась на лыжах». Но она продолжала настаивать. Тогда я сказал: «Понимаешь, я нуждаюсь в том, чтобы факт Христа определял мою жизнь, и этого мне так не хватает, это единственное, чего я действительно хочу. Я хочу, чтобы меня определял этот факт, я желаю этого». И посмотрев на нее, словно в первый раз в жизни, я сказал: «Я хочу быть любимым». Я словно искал фейерверка, более того, я организовал фейерверк, но я не замечал и часто не замечаю, того, что есть, даже лица жены и детей.

И как называется такая позиция, когда я не замечаю того, что есть? Это рационализм: я не вижу реальность такой, какая она есть. Она может находиться перед моими глазами, но я страшно зол. В описанной ситуации не произошло никакого несчастья, напротив, все было продумано, подготовлено, желанно, предполагалось насладиться совершенным фейерверком. И что же?

Все происходящее в последние месяцы, все, что мы видим вокруг и что говорим, пробудило во мне желание быть в авангарде, но, казалось, моя работа обеспечивает место только в тылу. Это впечатление усилилось после некоторых встреч – например, с нашими друзьями миссионерами. Пару недель назад мы устроили ужин группы Братства, и я поделился с друзьями моими ожиданиями от аудитории с папой: я хотел услышать, что он нам скажет, понять, как его слова могут стать ответом на мое

желание. На следующий день одна моя подруга написала мне, что на ужине я был совершенно не прав и что я не замечаю происходящего (мы к тому же и работаем вместе), и что она не находится в тылу. Я встретился с ней и предложил поговорить. Меня поразило, что то, как я говорил на ужине, то, как смотрел на нее и не видел, ранило ее. Все в ней: ее пламенное желание, ее взгляд, ее напоминание о реальности – заставило меня осознать собственную слепоту. Работая над пунктом о православно-католическом взгляде, я понял, что в моей жизни ничто не заставляет вновь посмотреть на Христа, вещи остаются истинными, но принадлежат прошлому. Я так или иначе искал некой альтернативы, которая превзошла бы реальную жизнь. Или увлекался своими чувствами, моим «как здорово было бы сделать то-то». Но вместо этого я вновь оказался перед реальностью, и во мне вновь пробудился ответ Господу: я готов делать то, что Ты просишь меня делать, ведь Ты есть. И этот ответ относится ко всему, о чем ты писал и говорил на протяжении последнего года (на упражнениях Братства, в статье о выборах, в письмах о Рождестве, паломничестве в Рим, о событиях в Париже): твой способ смотреть на реальность каждый раз заставлял меня увидеть то, чего я не видел.

И о чем это говорит? Смотрите, вот в чем суть вопроса: в том, является ли Христос фактом настоящего, позволяющим мне смотреть на реальность. В противном случае я смотрю на реальность сквозь шторы. И не надо думать, что так мы отгораживаемся от реальности и становимся спиритуалистами или, как говорят некоторые, интимистами. Мы находимся в конкретном месте, мы окружены реальностью нашей компании. Проблема в том, что эта компания не определяет наш образ пребывания в реальности, она не избавляет от страха и растерянности и не сопровождает нас, когда все идет не так, как мы задумали. Тебе тоже не удавалось рассмотреть события, происходившие прямо у тебя под носом. Что же изменилось? Реальность никуда не делась – ты ведь не стал визионером. Просто благодаря другому человеку ты вновь начал видеть.

Совершенно верно.

Если я не принимаю Присутствие, если не позволяю ему определять мою позицию в отношении реальности, я свожу его к некому факту прошлого или же к явлению сентиментальному, спиритуалистическому, интимистскому, протестантскому (я могу его «чувствовать», но оно никак не влияет на мой способ пребывания в реальности). Человек по-настоящему достигает

уверенности во Христе, когда видит Его действие в том, как он подходит ко всем обстоятельствам жизни, «начиная с радости давно желанной встречи и кончая любованием звездным небом. Все происходит на наших глазах – нельзя сказать, что для одних событие происходит, а для других нет, нельзя сказать, что одни пребывают в реальности, а другие – за ее пределами. Нет, все мы находимся в одной и той же реальности, но если Присутствие, как говорится в тексте школы общины, «целостно человеческое присутствие», не способно определять жизнь, жизнь не «взрывается», то есть не реализуется. Нужно лишь, чтобы пришел Он, чтобы, как поется в песне Мины, вернулся рассудок, чтобы забилося сердце. Вопрос заключается в том, что облегчает для нас принятие этой позиции. Как все больше возрастать в признании того, что есть? Потому что оно есть, еще как есть! Через некоторое время мы услышим, как последний пришедший видит вещи, происходящие на наших глазах и для нас невидимые.

Во второй главе книги «Зачем Церковь» отец Джуссани постоянно подчеркивает, что событие Христа открывается в целостно человеческом присутствии, и что с Ним можно встретиться только через общину верующих, через Церковь. До недавнего времени я была абсолютно убеждена, что моя уверенность во Христе должна превосходить конкретность людей, друзей и общины, чтобы стать общим фактором для созидания уверенности. Именно поэтому, если я на работе без друзей или жениха, если я не могу им позвонить, я все равно должна оставаться на работе, встречаясь со всеми трудностями, чтобы открыть возможное для себя благо. Мне необходимо рисковать в отношениях с медсестрами, пациентами, врачами, ведь никто не цепляет на себя табличку с надписью «христианин» или «Общение и освобождение», есть только я. Мне нужно что-то, позволяющее смотреть на реальность в свете положительной гипотезы, призывающее к величию, что-то помимо конкретных человеческих лиц. Я говорила об этом с подругой, и она сказала мне, что без друзей, без людей, которые любят ее, без обращения к конкретным людям, ей трудно вернуться к началу. Тогда я решила проверить, кто из нас прав. На самом деле я тоже нуждаюсь в чем-то конкретном, нуждаюсь в том, чтобы видеть своих друзей, проводить время со своим женихом, а не только думать о них. В последнее время в силу определенных обстоятельств я как никогда нуждалась в конкретных фактах и заметила, что часто слишком много жду от других и словно говорю: «Если Христос явлен мне в этих людях, я должна ожидать самого лучшего отношения, они должны явить мне абсолютное благо, я желаю абсолютного блага». Но так происходит не

всегда. Любящий меня человек может ошибаться и тоже нуждается во внимании. Отсюда вопрос, как может община верующих, превосходя недостатки каждого ее члена, быть объективным присутствием Христа? Как смотреть на общину без ложного благодушия (раз другой – выражение Христа, тогда все в порядке, даже если этот человек терпеть меня не может) и без претензий на то, что она сможет исчерпывающим образом ответить на мою нужду?

А как, по-твоему, можно быть уверенными в том, что община верующих является объективным присутствием Христа? В чем ты могла бы признать, что она – Христос? Я задам вопрос проще: «По какому признаку Андрей и Иоанн смогли узнать Христа в тот день, когда встретили Его? Они могли узнать Его благодаря чему-то?»

Нет

Вот видишь? Вот в чем дело! Вы понимаете? «Нет!» Могла ли жена Андрея признать, глядя на мужа, что тот встретил Кого-то объективно иного?

Да.

Джуссани говорит об этом в недавно вышедшем фильме: «Что с тобой, Андрей? Ты сам не свой. Что случилось?» (*Отец Луиджи Джуссани. 1992–2005. Мысли, выступления, вера. Ежемесячное приложение к газете Corriere della Sera, 21 февраля 2015 г.*). Присутствовал ли Иисус, когда Андрей обнимал жену? Нет! Как же она смогла понять, что он встретил некое присутствие, объективно отличавшееся от всего остального? Какие знаки увидела жена? Мы не осознаем именно этого. Мы повторяем это, рассказываем друг другу, но не осознаем. И поэтому даже в окружении других людей нам кажется, что мы одни. Но был ли Андрей одинок, когда был с женой? Или он уже был иным Андреем, полностью охваченным присутствием Христа, Его объективным присутствием? Да или да? Признать Его может только тот, кто имеет схожий опыт. Все зависит от нашей расположенности, вы видели это в фильме, мы слышали об этом миллион раз от Джуссани, мы читали об этом. История с Андреем, обнимающим жену, словно превращается в исторический анекдот, никак не связанный с нами показательный пример. Ничего подобного! Андрей оставался собой, но был совершенно иным. В чем он мог распознать объективное присутствие Христа, когда физически не находился рядом с Ним? Его жена не нуждалась,

чтобы Иисус был с ними, потому что она все поняла из того, как Андрей обнял ее. То же самое, моя дорогая, передаешь и ты, когда идешь к твоим больным и люди спрашивают: «Почему ты так смотришь на них? Почему так к ним относишься? Откуда рождается такой взгляд?» Христос настолько входит в твой взгляд и определяет его, определяет твой образ существования, твой способ пребывать в реальности, что только слепой может это не заметить! Итак, обладая таким взглядом, ты можешь ответить на свой вопрос о христианской общине. Невзирая на недостатки (которые, вполне возможно, никуда не денутся), люди замечают, что твой взгляд на реальность рождается не в тебе, что ты не можешь дать себе его сама, что он не является результатом продуманной тобой стратегии. Этот взгляд дан тебе, ты была им охвачена. И видно, что Христос является фактом настоящего, ведь Он определяет реальность как ничто другое, превосходя твою ограниченность, твою способность говорить с пациентами, твои состояния души («я Его не чувствую»). Меня интересует не то, что ты чувствуешь или не чувствуешь, мне важно, определяет ли тебя это Присутствие. И это видно из того, как ты обращаешься с реальностью, независимо от нравственной последовательности, от душевных состояний, обстоятельств, ответов других людей, независимо от чего бы то ни было. Подлинное человеческое присутствие изливается из иного источника, из объективного присутствия Христа. А иначе о таком взгляде нечего и мечтать.

Присоединяюсь к первому вопросу нашей подруги. С течением времени мы можем все острее ощущать свою хрупкость. Для меня в этом всегда был соблазн, и в молитве я спрашивал у Господа: «Как же так, Ты обещал, что я стану человечнее, а я становлюсь все более хрупким?!» Мне теперь часто приходит на ум эпизод с бурей на озере: Он был с учениками, и они знали, что Он – ответ на их чаяния, ведь когда они испугались, они разбудили Его. Я чувствую себя точно так же, потому что иначе (мне кажется, именно это ты хотел сегодня подчеркнуть, исправь, если я ошибаюсь) христианство превратилось бы в своего рода движение супергероев. Я все больше устаю от тех моих друзей, которые всегда знали, какой должна быть жизнь. С сожалением должен отметить, что кое-кто из них перед лицом трудностей поколебался в вере. В четырнадцать лет, когда я встретил Движение, и мне было смелости не занимать; но, оглядываясь назад, я вижу всю свою наивность.

Весь вопрос в том, каких людей порождает христианство: взрослых или потерянных. Во втором случае нам лучше разойтись по домам. Если Христос

не в состоянии породить человека, способного встречаться с реальностью, то христианство меня не интересует.

Но ты встречаешься с реальностью и в бурю, когда трудно устоять на ногах, но есть к кому обратиться...

Конечно, у тебя есть к кому обратиться... Но хотел бы ты, чтобы этот кто-то все больше определял реальность, чтобы и перед лицом смерти тебя определял не только страх?

Но если в смертный час передо мной нет присутствующего Христа, Которого я прошу помощи, то как устоять?

Я прекрасно знаю, что нужно просить! Вопрос в том, является ли христианство вопросом только на уровне религиозного чувства или тебя уже сейчас определяет присутствие, которое можно просить, потому что оно стало тебе совсем родным. Как говорил Бенедикт XVI: падая, ты падаешь в объятия Иного. В любом случае проблема проясняется не в дискуссии, а в жизни. В тексте школы общины написано: «Целостное человеческое присутствие подразумевает метод *встречи*, столкновения с отличной от тебя реальностью». Но эта встреча «включает в себя как существенные части и внешний, и внутренний аспект» (С. 26). Мы прекрасно описываем внешний аспект, но происходящее с Андреем и Иоанном, охватывает и определяет аспект внутренний. Так рождается новое творение, и это замечает жена Андрея, как замечают это сегодня многие люди, встречающие нас. Поэтому отец Джуссани подчеркивает: «Православно-католический взгляд понимает христианскую весть как призыв к настоящему, целостно человеческому опыту, к объективной встрече с объективной человеческой реальностью, глубоко значимой для внутреннего мира человека; к встрече, призывающей к поиску смысла, к изменению всей нашей жизни. Поэтому эта встреча проникает в нашу личность...» (С. 29) Когда мы вживаемся в опыт Андрея и Иоанна, то понимаем, что Джуссани говорит об объективном факте, охватывающем субъект. После встречи с Иисусом Андрей был все тем же Андреем, но жена воскликнула: «Что с тобой?» Жизнь ее мужа была настолько охвачена чем-то, что это становилось понятно и со стороны, по одному лишь изменившемуся взгляду. На *New York Encounter* пришел один выдающийся шестидесятипятилетний врач, который познакомился с нашими друзьями. Он рассказал, что всю свою жизнь искал смысл и, не находя ответа, порой хотел все бросить. Он прошел через буддизм, у него были

отношения с протестантами и так далее. После десяти минут с начала фильма, посвященного шестидесятилетию Движения (ему не хотелось идти на просмотр, казавшийся чем-то очень католическим, а католическое для него всегда означало исключительно свод правил и запретов), он воскликнул: «Вот оно!» А потом пропустил обед, чтобы досмотреть фильм до конца. Присутствие Христа объективно! Настолько объективно, что, когда человек, ищущий на протяжении шестидесяти пяти лет, находит это присутствие, он говорит: «Вот оно!» И даже более того: он уже нашел наших друзей в том месте, где живет, потому что «не должен потерять эту встречу». По его словам, просмотр фильма изменил его жизнь и переменял образ мыслей, вселил в него небывалую уверенность, а ведь он человек далеко не сентиментальный. И все же это его слова. Дело не в том, что мы спиритуалисты и не видели фильма; мы все его видели, но последний пришедший за десять минут уловил инаковость, которую мы часто не замечаем. Инаковость есть – ведь тот, от кого меньше всего ожидаешь, видит и признает ее. Проблема в том, что мы ее не видим.

А теперь послушаем человека, который неделю назад в числе других приглашенных пришел на предпросмотр фильма об отце Джуссани.

Интервью с Пьетро Модьяно, президентом компании Sea-Aeroporti di Milano, взятого по случаю предпоказа фильма «Отец Луиджи Джуссани. 1922–2005. Мысли, выступления, вера».

Что открывает об отце Джуссани этот фильм для тех, кто не был с ним знаком лично?

Я сам никогда не знал его. Я познакомился с ним через книгу [*Vita di don Giussani*], а также благодаря огромному количеству людей, знавших его. Поэтому можно сказать, что заочно я был с ним знаком. У меня имелось о нем определенное представление, но в фильме меня поразила энергия его голоса, глаза, выражение лица, когда он говорит, – в нем читается невероятная уверенность. Поразила предельная простота его языка. Возможно, я ожидал увидеть все эти черты, но, наконец увиденные, они наполнили смыслом то, что я узнал о нем не напрямую. Иными словами, сложилась целостная картина о человеке.

Есть ли какая-то фраза, мысль Джуссани, запавшие в душу больше остальных?

Их много, но во всем сказанном им есть связующее звено – обращение к человеческой природе: человек не может довольствоваться самим собой, история не может довольствоваться сама собой, мы не можем довольствоваться самими собой. В нас есть стремление к чему-то иному. В общем, он весь в этом, и его слышно в книгах, видно в друзьях, он говорит. Вот что мне запомнилось.

А запомнилось ли то, чем человек может довольствоваться?

Конечно, конечно! Вера для него – это грандиозный поиск. Очень волнительно думать о том великом потоке, что достиг его матери, а через нее был передан и ему. Великая проблема, великая тайна, проблема, которая есть вера, и вера не разделяющая. Это то, что я очень ценю в Джуссани, с которым познакомился в преклонном возрасте: я целую жизнь провел бок о бок с Движением, испытывая весьма противоречивые чувства, и вдруг открыл, что существует вера, которая не разделяет, вера любознательная и принимающая. И мне кажется, что в этом смысле отец Джуссани обращается не только к Движению, его послание чрезвычайно современно; убеждения и вера, которая не разделяет, но принимает – если бы мы следовали им, нам удалось бы разрешить некоторые проблемы человечества.

Давиде Проспери. Модьяно глубоко и осмысленно говорит о том, что его поразило, и каждый из нас, полагаю, мог сказать бы то же самое, ведь, когда мы видим Джуссани, в первую очередь нас поражает (мы можем привести много примеров из нашей жизни) посыл уверенности, железобетонной уверенности, которая при этом не разделяет, напротив – тебе хочется подражать ему, следовать за ним. Мы видим разные проявления того, о чем говорил Модьяно. Завтра выйдет книга (*Un'attrattiva che muove*), где собрано множество интервью, посвященных презентации книги Савораны «Жизнь отца Джуссани», из которых становится ясно, как произошли встречи, подобные той, что случилась с Модьяно. Поразительно, что все эти факты, вне всякого сомнения, связано с отцом Джуссани, но даже здесь легко остаться на поверхности, если мы не осознаем значение происходящего. И я прошу осознания прежде всего для самого себя. На протяжении долгого времени осуществлялась попытка отделить основателя Движения от Движения, сказать, что отец Джуссани – хорошо, а Движение – плохо. Но в итоге с каждым днем становится все очевиднее, что чем, больше люди знакомятся с Джуссани, тем больше он становится центром внимания, интересов, суждения. Суждение о Джуссани и о Движении кардинально меняется, как это только что продемонстрировал Модьяно: «Складывается

целостная картина». Потому что встреча, первая встреча с Джуссани произошла с ним через людей из Движения. Жизнь Движения, а также прямое свидетельство отца Джуссани, передаваемое через жизнь Движения, все больше знакомят мир с отцом Джуссани. И именно здесь, на мой взгляд, уже проявляется то сознание, которое мы можем иметь сегодня в силу произошедшего с нами события; суждения, подобные тем, что мы только что услышали, коренятся не в некоей новой морали, не потому что мы, как говорилось выше, чуть лучше, и будем еще лучше и будем постоянно улучшаться. По-моему, проблема не в этом, мы не должны думать, что проблема заключается в этом. Более того, мне кажется, такой путь ведет нас и других к умалению того, что реально происходит в нашей истории, мы рискуем свести все к проблеме совершенства, достижения своего рода высшей «морали». Мне кажется, проблема заключается именно в предложении Движения, то есть в том, чем Движение является для себя и для мира. Предложение Движения (если мы следуем за тем, что видим и осознаем значение того, что с нами происходит, внутри Движения и вне его, то, в чем мы участвуем) одно – вживаться в харизму. Чтобы человек смог сказать Каррону или одному из нас то, что мы только что слышали: «Я познакомился благодаря огромному количеству людей, знавших его. Поэтому можно сказать, что заочно я был с ним знаком. Возможно, я ожидал увидеть все присущие ему черты, но, наконец увиденные, они наполнили смыслом то, что я узнал о нем не напрямую. Иными словами, сложилась целостная картина о человеке».

Это произошло, потому что через встречу он смог понять, кто такой Джуссани, и смог увидеть его во плоти в человеческой реальности. Необходимо, чтобы эта столь убедительная вещь становилась нормальным, обычным фактором жизни. Обычным фактором, который в своей общности становится необыкновенным именно благодаря уверенности в вере.

Хулиан Каррон. Мы видим здесь яркий пример того, как человек в настоящем может достичь уверенности об отце Джуссани, которого он никогда не встречал, потому что Модьяно достиг этой уверенности через встречу с людьми из движения, с которыми он познакомился в течение жизни, и которые пробудили в нем интерес к его жизни. Потом они пригласили его участвовать в презентации книги «Жизнь отца Джуссани». Так он достиг уверенности о нем. Сейчас он получил тому подтверждение, но уверенность уже присутствовало в его опыте. По фильму о Джуссани, как он сказал, «складывается целостная картина». Как мы видели, это единственная возможность достичь уверенности о Христе в настоящем, сейчас, как это было для Иоанна и Андрея. Именно обладая таким опытом жизни, ты все больше очарован. И в чем ты это замечаешь? В происходящем с тобой изменении. Это не означает, что ты совершаешь меньше ошибок, но

перед лицом реальности ты предстоишь с уверенностью, с открытостью, любопытством, с новой разумностью, с состоятельностью, о которой ты раньше и не мечтал! Поэтому для нас единственная возможность достичь уверенности заключается в том, чтобы переживать реальность Движения. Но в ней нельзя присутствовать, не отдавая себе отчет в происходящем. Мы можем смотреть фильм о Джуссани и не понимать, и хватает самой малости, чтобы мы ощутили себя одинокими и растерянными. Если принадлежность Движению не пробуждает способность улавливать эту инаковость и не порождает уверенной личности, мы будем все больше погружаться в растерянность. Что мы несем? Возможность достичь уверенности в объективном присутствии Христа сейчас.